

НО И БЕЗ ДРУЖБЫ
ПОЛУЧИЛОСЬ НЕПЛОХО

Я ЕЩЕ
С ЧАСОК
ПОПЛАЧУ

А СЛЕДОМ ЗА НИМИ Я

Миры Макса Фрая: неизведанное

Макс Фрай

Я ещё с часок поплачу

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фрай М.

Я ещё с часок поплачу / М. Фрай — «Издательство АСТ»,
2026 — (Миры Макса Фрая: неизведанное)

ISBN 978-5-17-186847-5

«Нет, нет, я еще с часок поплачу», – говорит шут (слуга) Ланс в пьесе Шекспира «Два веронца», и потом начинает смешить зрителей рассказами о своей семье и дурацкой собаке. Вот и автор этой книги обещает часок поплакать, а на самом деле развлекает и смешит. А что многие читатели будут смеяться сквозь слёзы, так время нынче такое. Нельзя без слёз.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-186847-5

© Фрай М., 2026
© Издательство АСТ, 2026

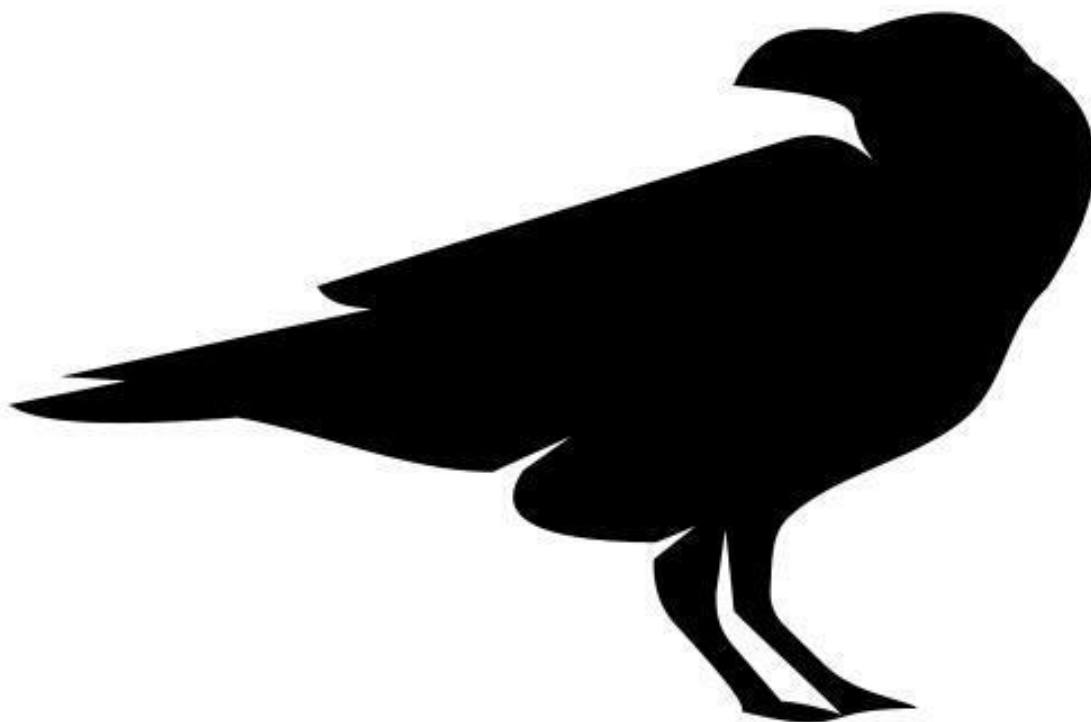
Содержание

Предпоследнее путешествие	7
Эвакуация	10
Zvezdohody	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Макс Фрай

Я ещё с часок поплачу

Автор благодарит Уильяма Шекспира за пьесу «Два веронца», студентов программы «Театральное искусство и актёрская игра» Европейского гуманитарного университета за экзаменационный спектакль «Harashe», Константина Буковецкого за то, что выбрал для финальной сцены спектакля монолог Ланса и отлично его сыграл. Всё это вместе помогло мне то ли вспомнить, то ли заново вывести правило: когда кажется, будто в моих делах больше не осталось ни цели, ни смысла, ни надежды на то, что они однажды снова появятся, можно просто рассказать ещё десяток-другой историй – таких, что и цели, и смысл, и надежда вернуться, как миленькие. Не для меня, так для вас.

Серия «Миры Макса Фрая: неизведанное»

В книге упоминаются Instagram и Facebook, принадлежащий Meta Platforms Inc., которая признана экстремистской на территории Российской Федерации

© Макс Фрай, текст, 2026
© Екатерина Фerez, иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Предпоследнее путешествие

Пошаговая инструкция для путешественников по Земле

- По большому счёту всякое путешествие следует считать последним и относиться к нему соответственно: в ясном уме и полном сознании с благодарностью проживать. Однако «последнее путешествие» звучит чересчур драматично. Так мы, чего доброго, впадём в уныние, и на всё остальное у нас не останется сил. Поэтому лучше каждое путешествие считать предпоследним. Так ценность его становится очевидной, но без трагического накала и романтической обречённости, почти неизбежно сопутствующей всем самым последним в жизни событиям и делам.

- Путешествовать следует наземным транспортом. Самолёты для настоящего путешествия не подходят. Они хороши, чтобы быстро перемещаться из пункта А в пункт, предположим, Бэ. Это удобно, я тоже часто пользуюсь этой возможностью, почему бы и нет. Просто стремительные перемещения по воздуху – это не путешествия. Настоящее путешествие осуществляется в непрерывном контакте с планетой. По земле – колёсами и ногами. Ну или по воде. Но с водой у меня маловато опыта, да и тот – сплошной ликующий вопль. Поэтому создавать пошаговую инструкцию для водного путешествия должен кто-то другой.

- Выбирая цель путешествия, следует полагаться не только на собственные желания, но и на волю судьбы. Или скажем иначе, специально для фаталистов: да, судьба всегда сама всё решает, но пусть она выбирает вариант из нашего списка, а то ведь придёт со своим.

- Можно составить перечень городов, куда мы давно собирались, да всё откладывали, или мест, куда стремимся снова вернуться, станций пригородной электрички, где когда-то хотелось выйти и посмотреть, что вокруг, или просто доступных нам прямо сейчас по деньгам и по времени населённых пунктов на букву, к примеру, С или Д, и устроить себе лотерею: записать названия на бумажках, вытащить одну наугад. Или съездить по делу, лучше необязательному и приятному; белые ночи, концерт, цветение слив, или выставка вполне подойдут. Можно просто прийти на вокзал и вскочить в электричку, которая прямо сейчас отправляется, куда – разберёмся потом. Или ткнуть наугад в расписание междугородних автобусов. Или поехать, куда друзья позовут.

- Популярные туристические маршруты в качестве цели предпоследнего путешествия выбирать не советую. То есть, можно, конечно, но лучше их и себя побережь. Популярные города так устали от бесчувственных толп, что даже нормальным гостям редко рады: привет, ты на кой припёрся? – и весь разговор. Хотя безоглядной любовью их усталость обычно лечится; ну, это общее правило, не только для путешествий: тому, кто способен безоглядно любить, можно всё.

- Отправляться в предпоследнее путешествие следует не на последние деньги, а тоже на предпоследние. Человек так устроен (сформирован культурой): отдавая последнее, мы обычно слишком многого ждём. А ждать от предпоследнего путешествия следует только собственно путешествия. Всё остальное с нами случится, или не случится, или не с нами, или не сейчас, а когда-то, как и если захочет само.

- Путешествовать лучше налегке, с одним рюкзаком или сумкой. Это не то чтобы жёсткое правило, просто багаж затрудняет движение, связывает по рукам и ногам; иными словами, добираться с тяжёлым багажом от вокзала до гостиницы и обратно мы будем без удовольствия, а это не дело, в путешествии всякий отрезок пути, каждый шаг должен приносить наслаждение, иначе – деньги на ветер, непонятно, зачем было всё затевать.

- Приходить на вокзал или остановку автобуса следует в предпоследний момент. В самый последний не стоит, нервничать, опаздывать и бежать – невелико удовольствие, а вот явиться минуты за три-четыре, неторопливо занять своё место, зажмуриться, выдохнуть и открыть глаза в момент отправления – самое то. Иногда, открыв глаза, удаётся не просто подумать – почувствовать, что прежняя жизнь закончилась, а новая, яркая, до смешного короткая, но бесконечная жизнь-путешествие только что началась.

- Во время поездки не стоит развлекать себя соцсетями, подкастами, кинофильмами или книгами. Путешествуя, надо смотреть в окно. За окном сейчас происходит наша дорога. Больше нигде никогда никому не покажут такое кино.

- Если смотреть в окно достаточно долго, можно задремать, не закрыв глаза. И тогда за окном появятся удивительные пейзажи или фантастические существа, небо может стать земляничным, лиловым, салатным, до черноты посинеет выгоревшая трава, лесопосадки будут биться в стекло, как волны, далеко внизу, как под крылом самолёта, засияют предзакатные облака.

- Если смотреть дорожные сны наяву достаточно долго, можно проснуться, вздрогнув от мгновенного узнавания – это же тот перекрёсток, где мы с лучшим другом заблудились, когда гуляли по югу Италии, перепутали направление, чёрт знает куда заехали, пришлось возвращаться потом. Или просёлочная дорога, куда однажды внезапно свернул почти пустой автобус из Штарнберга в Мюнхен и принялся колесить по лесам, словно водитель запланировал похищение с выкупом или просто слегка обезумел, но потом оказалось, что на трассе впереди был ремонт дороги, автобус его объезжал. Или окраина латвийского городка, по которой лет пять назад шли от пляжа, поминутно сверяясь с картами в телефоне, чтобы успеть на последнюю электричку в двадцать один ноль-пять. А что итальянский перекрёсток теперь оказался на севере Польши, баварская просёлочная дорога – на въезде в Мукачево, а Балтика – где-то в Балканских предгорьях, так это вполне обычное дело. Затем и нужны путешествия, чтобы однажды своими глазами увидеть: все дороги – одна дорога. Наша. Она навсегда.

- Прежде чем выйти из поезда или автобуса в пункте своего назначения, как бы вы ни спешили, как бы вас ни торопили попутчики или встречающие друзья, обязательно надо хотя бы на долю секунды замереть на пороге, в тамбуре, на ступеньке, закрыть глаза, снова открыть их с глубоким вдохом и увидеть, что вы приехали в незнакомое новое место, в полную неизвестность, почти в никуда. (Потом-то вы, конечно, узнаете место, если тут раньше бывали, или просто поймёте, что это вокзал, они везде до смешного похожи, но это неважно. Главное – поздоровались хорошо.)

- Правило, которым многие путешественники пренебрегают, и совершенно напрасно! Приехав в новое место, надо сразу выпить там кофе. Или не кофе. Или съесть какую-нибудь еду. Голодны вы или нет, не имеет значения. Сейчас не о потребности в пище речь. А о необходимости побрататься с местом, куда мы приехали, смешав его материю с материей, из которой мы состоим. Обычно это просто жест вежливости, хотя порой встречаются города, где, пока

не отведаешь местное угощение, ничего не найдёшь, в гугл-картах запутаешься, не попадешь никуда. Даже с друзьями, которые пришли встречать, разминётесь, будете бестолково кружить по вокзалу, нервн смеяь, пока не выпьете глоток противного кофе из автомата; мне он тоже не нравится, но тут ничего не поделаешь, правила следует соблюдать.

- Как вы будете проводить время и чем заниматься там, куда вы приехали, не имеет значения. Лишь бы вам это нравилось; если нет, глупо было путешествие затевать. Первая обязанность путешественника – радоваться, любить, ликовать.

- В идеале любовью и радостью должен быть наполнен каждый ваш шаг. Я имею в виду, что даже физическое ощущение от прикосновения ноги к тротуару, камню, траве, песку, или где вы там ходите, должно приносить наслаждение. Не говоря уже о вдохах и выдохах. И обо всём остальном.

- Привозить сувениры из предпоследнего путешествия совершенно бессмысленно. Оно у нас предпоследнее, эй! Не надо бегать по лавкам, тратить свои предпоследние деньги, предпоследнее время и предпоследнее место в единственном рюкзаке. Но можно подобрать, например, морскую ракушку, чтобы дома зашвырнуть её в реку, сунуть в карман каштан или камень причудливой формы, взять со стола в кофейне забытый кем-нибудь карандаш.

- В день отъезда не стоит ни печалиться, ни спешить. Путешествие ещё не закончилось, оно продолжается, мы не просто торопимся на вокзал, а гуляем по городу с восторженным сердцем, ракушкой в кармане и полупустым рюкзаком.

- Перед отъездом лучше прийти на вокзал заранее, курить у входа, стоять на перроне, закрыв глаза, слушать вполуха неразборчивые объявления на знакомых и чужих языках. В финале удачного путешествия путешественник больше не знает, кто он, зачем и откуда приехал, куда ему предстоит уезжать. В этом, собственно, заключается главная цель путешествия – забыться, утратить свои очертания (но свой смысл, конечно же, не терять). И тогда в череде неразборчивых объявлений, возможно, удастся услышать предназначенное для нас: через десять минут отправляется автобус до Лейна, ночной экспресс до Аграма, электричка на Кетельмак. И, подхватив рюкзак, побежать на платформу номер четыре или на пятый перрон; успеть, конечно. Не в последний момент – в предпоследний. Показать билет и спокойно войти в автобус или в свой девятый вагон.

Эвакуация

Они пришли за мной ранним утром. Но поскольку господь ко мне милосерден, это было не общественное, а лично моё раннее утро, половина одиннадцатого; я как раз успела проснуться, нажать на кнопку кофемашины, получить результат (хуже, чем просто посредственный, но от моей бандуры другого и не дождёшься), разбавить сливками из пакета и даже немного отпить.

В дверь они не звонили; собственно, правильно сделали: я не ждала ни гостей, ни доставку и не стала бы открывать. Просто появились в гостиной, где я сидела, философски смиряясь с предстоящим ещё одним днём. Первый – длинный, тощий, как богомол, в камуфляжном костюме, причём серо-белых оттенков, словно он собирался скрываться во льдах. А второй – большая собака. Даже огромная. Рыжая меховая гора с тёмной мордой; кажется, эта порода называется «леонберг». Тощий коротко хохотнул, сказал: «Досрочная эвакуация. Поздравляю! Давай, голуба, с вещами на выход». А леонберг поставил мне на плечи свои передние лапищи и лизнул в нос.

Сперва я оторопела. Какая эвакуация? С какой стати? Куда? Зачем? Я же (поскольку господь, как уже было сказано, милосерден, по крайней мере, лично ко мне) не в Украине, не в Израиле, не в Судане, не в Гаити, не в Сирии, не в Иране и где там ещё нынче самая жесь. Я в Берлине. Здесь пока всё нормально, надеюсь, так и останется. Сейчас не наша очередь воевать.

Но потом я, можно сказать, проснулась. Пришла в себя. Это, конечно, самый прекрасный момент – когда ты вроде бы остаёшься Кларой-Катариной Зонненблум тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения, овном по гороскопу, гражданкой Германии и что там у людей бывает ещё, но уже ясно знаешь, кто ты на самом деле. Это такое огромное счастье, что в человека не поместилось бы, а мне – в самый раз. Одновременно ужасно смешно, а остаткам Клары-Катаринины не то чтобы страшно, но стрёмно; в общем, неопикуемый кайф. Ради него одного имело бы смысл помрачённо скитаться в этом, предположим, Мидгарде. Жалко, что так редко бывает, но ладно хоть иногда.

– Шуточки у вас, – укоризненно сказали мы с Кларой-Катариной. И выпили кофе – залпом, как шнапс.

Не то чтобы мне так уж нравилось встречать старинных друзей этой сумрачной тёткой, хлебающей горькую дрянь из дешёвой кофейной машины. От Клары-Катаринины легко избавиться, секундное дело, вообще не вопрос. Но пока я буду блистать на нашей с ней кухне своим сияющим великолепием, она, чего доброго, испортится. В смысле скоростно помрёт. И тогда начинай всё сначала: снова рождайся из чрева, ходи под себя в подгузники, а потом переживай пубертат. Нет уж, спасибо. Я лучше пока без сияющего великолепия как-нибудь перебыюсь.

– Вообще ни хрена не шуточки, – сказал Ваха.

А Миха снова лизнул меня в Кларин-Катаринин нос. Не то чтобы нам с Кларой-Катариной так уж нравилось миловаться с огромной слюнявой собакой. Но ради Михи можно и потерпеть. И заодно не заметить, как он подгребаёт под себя наш новенький тапок и с упоением вгрызается в него. Миха обожает кратко воплощаться собакой, а случай выпадает редко. Конечно, он хочет побольше успеть.

– В смысле – «не шуточки»? – переспросили мы с Кларой-Катариной. – Какая может быть эвакуация? У нас тут что, внезапно Рагнарёк?

– Да хуже, – поморщился Ваха. – Рагнарёк уже не поможет. Бессмысленная затея. Только людей мучить зря.

– Ну, положим, они и так нормально справляются. Сами распрекрасно друг друга мучают. Но до сих пор это почему-то не было поводом меня отсюда спасать.

Ваха неопределённо пожал плечами, типа мало ли чего там раньше у нас было-не было. Всё меняется! И сказал:

– Ты давай собирайся. В смысле позвони кому надо или оставь записку, если хочешь своим знакомым какие-то ценности завещать.

– Совсем сдурел, – вздохнули мы с Кларой-Катариной.

– Ну да, – легко согласился Ваха, – глупость ужасная. Какая разница, кому достанется твоё барахло. Просто тебе всегда нравилось, чтобы дела были в полном порядке...

– Хренассе барахло! – возмутились мы с Кларой-Катариной (причём я, кажется, даже больше). – У меня тут картины. Коллекция. Уникальная. Охеренная! Да вы сами на них посмотрите.

Миха мгновенно бросил тапок и уставился на стену у меня за спиной. Ваха возвёл глаза к потолку, изображая (не особо умело) христианского мученика, доедаемого добрыми самаритянами (или кому там по легенде положено мучеников терзать). Потом всё-таки присмотрелся к картинам. Присвистнул:

– Ого.

– То-то же, – торжествуя усмехнулись мы с Кларой-Катариной. – Вот такое у меня барахло. В спальне ещё десяток. Остальные картины пока стоят в гардеробной. Места на стенах мало, а крутых художников много. Но лучше так, чем наоборот.

Они таращились на картины минут десять, не меньше. Для ангелов, которые человеческим искусством не особо интересуются, абсолютный рекорд.

– Ну ничего себе, – наконец высказался Ваха. А Миха снова лизнул меня в нос. Но с другим оттенком значения. Не просто «я рад тебя видеть», а «ты у нас – ого-го».

– Это не я ого-го, а художники, – сказали мы с Кларой-Катариной. – Сами нарисовали. Без моего наущения. А ведь простыми людьми родились!

Миха серьёзно кивнул и потопал в спальню смотреть остальные картины. И Кларин-Катаринин тапок с собой прихватил, чтобы было чего погрызть от избытка восторга. Типа попкорн.

– Так что за эвакуация? – спросили мы с Кларой-Катариной Ваху. – С какого вдруг перепугу? Что тут стряслось?

– Да ничего выдающегося, – скривился он. – Не столько стряслось, сколько накопилось. А то ты не знаешь, как это бывает. Капля за каплей, переполнилась чаша, и отвернулся от этого безобразия сияющий лик.

– Лучше поздно, чем никогда, – фыркнули мы с Кларой-Катариной. – Лично я бы после первого же концлагеря отвернулась, не дожидаясь одиозных Аушвица с ГУЛАГом. То есть ещё во время англо-бурской войны¹. Или хотя бы после Герники² с Велюнем³... Хочешь кофе? Он, правда, довольно паршивый. Примерно как жизнь на земле.

– Ну, раз паршивый, давай, – неожиданно согласился Ваха.

Вообще-то мы с Кларой-Катариной только из вежливости предложили. Почему-то были совершенно уверены, что в кратком воплощении невозможно местные жидкости пить. Нам не жалко и несложно нажать на кнопку, просто не хотелось бы гостя этой дрянью травить.

¹ Первые концлагеря были созданы британцами для мирного бурского населения. Условия содержания узников уже тогда были на высоте – в смысле в этих лагерях массово умирали от голода и болезней, особенно дети. С этого, собственно, и начался XX век.

² Авиационная бомбардировка города Герники-Лумо силами немецкого легиона «Кондор» в апреле 1937 года во время гражданской войны в Испании стала первым актом воздушного террора в истории человечества.

³ Ковровая бомбардировка маленького польского города Велюня 1 сентября 1939 года стала первым актом Второй мировой войны. Городок, где не было военных объектов и воинских частей, только мирное население, был уничтожен практически полностью.

– Здесь у них сейчас стало слишком много хорошего кофе, – принялся объяснять Ваха. – Буквально на каждом углу. Вроде мелочь. Но меня раздражает. Негармонично! Не должно быть хорошего кофе в мире, настолько погружённом во тьму.

– Я ровно из тех же соображений купила домой дешёвую кофемашину. Ради полной гармонии хотя бы на одном микроскопическом участке земной поверхности. Но, если честно, иногда даю слабину и захожу в The Barn⁴.

– Ну тебе-то всё можно, – утешил меня Ваха. – Всё-таки у тебя наивысшая степень паде-ния. Ты вообще, извиняюсь, почти человек!

– Да чего извиняться, – вздохнули мы с Кларой-Катариной. – Это просто констатация факта.

– Была констатация. Вот-вот она станет историей. Давай свой кофе. Слушай, и правда ужас, – скривился он. – Именно то, что надо. А ты не сиди, собирайся. В смысле подумай, кому оставить коллекцию. Позвони им, скажи, чтобы приехали и забрали. Даже жалко, что эти картины не получится взять с собой.

– То-то и оно! Забрать нельзя, а оставить некому. Я как-то вообще до сих пор об этом не думала. Ещё долго тут собиралась жить. Так что придётся вам где-нибудь пару-тройку лет погулять, пока я их в нормальные руки пристрою. Кому попало не отдам.

В ответ на это моё заявление даже Миха из спальни вышел. Почему-то без тапка в зубах. С выражением «з глузду з'іхала»⁵, как мои украинцы в подобных случаях говорят. Ой, украинцы же! Я и забыла на радостях. Свинством было бы практически в самом начале наши занятия прекращать.

– Тем более, у меня дети, – сказали мы с Кларой-Катариной, заранее предвкушая эффект. У этих красавцев, конечно, всего-навсего краткое воплощение, с ним обычно особо не заморачиваются, как вышло, так и сойдёт, но с проявлением эмоций у обоих всё оказалось в порядке. Отлично они на меня выпучились. Приятно смотреть.

Наконец Ваха спросил таким специальным человеческим добрым докторским голосом, каким только с психами принято говорить:

– Ну какие у тебя могут быть дети? Откуда они вдруг взялись?

– Так приехали, – объяснили мы с Кларой-Катариной. – Из Украины. Беженцы. От войны. Они, конечно, по человеческим меркам давным-давно уже взрослые. Но какие из людей получаются «взрослые», сами знаете, смех один. Теперь им язык учить надо. Срочно. Без языка нормально тут не прожить. А немецкий, зараза, сложный. Я им помогаю. Бесплатно. Рядом со мной всё очень легко учить. Знания сами в голову укладываются. Таких училок здесь больше нет. И, как я понимаю, уже не будет, если вы даже меня эвакуировать собрались. Поэтому если Рагнарёк не совсем настоящий и жизнь людей на земле продолжится, давайте я их хотя бы до В-1 доведу.

В кухне Клары-Катарины повисла такая упоительно тяжёлая пауза, хоть пироги из неё пеки.

– До чего ты их доведёшь? – наконец переспросил Ваха.

– До так называемого среднего уровня владения языком. С таким уже вполне можно жить. И работать на некоторых работах. Хотя всё-таки до В-2 было бы лучше. А на это даже мне нужно время. У меня в половине групп совсем новички.

– Час от часу не легче, – констатировал Ваха. А Миха просто жалобно заскулил.

– Не горюй, дорогой. Что там эти несчастные несколько лет, по вашим-то меркам, – сказали мы с Кларой-Катариной и крепко его обняли. Мне с самого начала хотелось как сле-

⁴ Сеть берлинских кофеен. Очень хорошая.

⁵ С ума сошла.

дует потискать здоровенную псину, которая получилась из Миши, но Клара-Катарина немного робела. По-человечески (собственно, только по-человечески) её можно понять.

– По нашим меркам вообще ерунда, – согласился Ваха. – Но по твоим довольно продолжительный срок.

– Да ладно, – снисходительно отмахнулись мы с Кларой-Катариной. – Тоже мне, можно подумать, великая вечность. Тем более, у меня тут работа. Нехорошо её вот так внезапно бросать.

– В смысле тебя оштрафуют за нарушение трудового контракта? – осведомился Ваха. Он та ещё язва, если его достать.

– Может, и оштрафуют. Точно не знаю, – беспечно ответили мы. – Но дело не в этом. А в возможностях, которые открывает моя работа.

– Ну какие, какие могут быть возможности?! – практически взвыл Ваха. – Здесь! У тебя!

Мне даже немного обидно стало. Вообще, у меня всё нормально с гордыней, в смысле плевать мы с Кларой-Катариной хотели с высокой башни на чьё угодно мнение. А всё равно неприятно лишний раз убедиться, как сильно тебя недооценивают ближайшие друзья.

– Я редактор в большом издательстве, – сухо сказали мы с Кларой-Катариной. – В отделе психологии и эзотерики...

– Что?!

Ваха сложился пополам от хохота. Миша смотрел на нас озадаченно. Видимо, будь ты хоть сто раз ангел, а воплотившись собакой, в человеческих разговорах понимаешь не всё. Мы с Кларой-Катариной улыбнулись ему и признались:

– На самом деле мне тоже смешно. Тем не менее эта работа открывает много прекрасных возможностей. Книжки по психологии и эзотерике читают в основном доверчивые дурачки. Что дурачки – жаль, конечно, но люди, в принципе, все такие. А что доверчивые – отлично. При условии, что верят не друг другу, а мне. Я вношу в эти книжки правки. Не очень много, чтобы не бросалось в глаза. Убираю самые вредные глупости, добавляю полезные советы и упражнения. Короче, каждый читатель получает мизерный шанс превратить мрачную хероту, которая у них считается существованием, в нечто, более-менее похожее на настоящую жизнь.

– То есть ты тут занимаешься просветительской деятельностью, – подытожил Ваха. – Капец.

– Чем могу, тем и занимаюсь, – надменно ответствовали мы с Кларой-Катариной. – На самом деле давно надо было. Глядишь, получилось бы что-нибудь поприличней. Может, хоть Рагнарёк заслужили бы. Или другой красивый, как в сказке, конец. Я, ты знаешь, с первого дня говорю, что этот проект безнадежен. Но меня никто не послушал, ничего не поделаешь, люди уже есть. Сияющий лик от них, говоришь, отвернулся? Переполнилась чаша терпения? Понимаю и одобряю. Всем сердцем поддерживаю! Но пока они живы, кто-то должен с ними возиться. А у меня как раз вечер свободен. В смысле я всё равно уже здесь.

– Так больше не здесь! – воскликнул Ваха. – Говорю же, досрочная эвакуация. То есть амнистия. Как здесь в таких случаях выражаются, выпал счастливый билет.

– Вот и отлично, – кивнули мы с Кларой-Катариной. – Спасибо. Внезапные проявления милосердия я высоко ценю. Но не настолько, чтобы бежать сломя голову, бросив на произвол судьбы редактуру, коллекцию и учеников. Просто дайте мне пару лет. Или пару десятков? Вот так сразу не соображу.

– Не узнаю тебя, – вздохнул Ваха.

Миша тоже вздохнул и отправился в спальню. То ли за тапком, то ли картины ещё раз посмотреть.

– Мой-то лик не сияющий, – ухмыльнулись мы с Кларой-Катариной. – Имею полное право не отворачивать ещё, например, сорок лет.

– Только что было два-три года, – напомнил Ваха.

– Да неважно. Вам-то какая разница. А у меня куча дел. И такая Клара-Катарина отличная, сносу ей нет.

– А если ситуация за это время исправится? – угрожающе спросил Ваха. – Настолько, что досрочную эвакуацию решат отменить?

– Это будет довольно обидно, – признали мы с Кларой-Катариной. – Но и чертовски приятно. Пора бы мне уже хоть как-нибудь победить.

Когда они ушли, я (Клара-Катарина Зонненблум тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения, никуда не делась она от меня) ещё долго сидела в гостиной, прижимая к груди истерзанный тапок. И наслаждалась упоительной возможностью помнить, кто и при каких обстоятельствах его так погрыз. Когда наконец поверила, что уже не забуду, поднялась и угрожающе сказала кофемашине:

– Значит, так. Или ты срочно научишься варить мне нормальный кофе, или я тебя на хрен выкину. Не всякая гармония полезна и хороша.

Zvezdohody

В подобных случаях говорят: «Она явилась в ответ на мои молитвы», – только я не молился. Просто привычки такой не имел.

Я в тот день страшно поскандалил с Оксанкой из-за зарплаты, выскочил из подвала, который у нас считается офисом, и сел за руль. Но не уехал, а просто открыл все окна и закурил. Я вообще никогда не курю в машине, это был жест отчаяния и протеста, почти как башку об стену разбить. Сидел, курил и ругался – на весь мир сразу. Примерное содержание: что ж ты, зараза, такой поганый, больше нет моих сил. Одновременно я ждал, что Оксанка выскочит следом, скажет: «Хер с тобой, пусть будет двести пятьдесят за поездку». Или хотя бы: «Сейчас не получится, но после Нового года попробую договориться, не серчай, потерпи». В общем, даст мне возможность с ней помириться и с фирмы не уходить. Работа, конечно, собачья. Но тысячи полторы в месяц обычно всё-таки набирается, вполне можно жить. Не так хорошо, как хотелось бы, ну так а кому сейчас хорошо. Хорошо вообще не бывает, если ты живой человек, а не герой кино.

Но Оксанка не выходила. Тоже, наверное, сидела, ждала, когда я остыну, вспомню, что в моём положении других вариантов особо нет, вернусь, извинюсь и соглашусь работать на прежних условиях. Причём я сам уже понимал, что именно так и будет. Из-за сраного паспорта я в заведомо слабой позиции. Кому больше надо, тот заранее проиграл.

И тут эта женщина в синем пальто. Темноволосая и черноглазая, симпатичная, но мрачная донельзя. Я ещё, помню, подумал: «Уэнсдэй Аддамс теперь стала взрослая, ух она всем задаст!» И невольно улыбнулся ей, как знакомой, потому что Уэнсдэй и есть знакомая. Столько фильмов в своё время про неё посмотрел.

Женщина, можно сказать, улыбнулась в ответ. То есть прикрутила беспредельную мрачность до вполне выносимой. Подошла и спросила по-русски с очень лёгким, почти незаметным акцентом: «Это же ваша машина?» Я сперва растерялся, но ответил: «Слава богу, моя».

У меня девятиместный фольксваген Transporter, уже не новый, десятого года. Но он молодец, беспроблемный, тьфу-тьфу-тьфу на него. Не знаю, что бы я без этой машины делал. Хотя как раз знаю. То же самое за вдвое меньшие деньги. Ещё можно упаковщиком рыбы в две смены. Или на стройке шесть дней в неделю по десять часов. Короче, есть варианты сдохнуть не сразу, а когда самому захочется. По моим прикидкам, не очень долго придётся ждать.

Женщина в синем пальто нахмурилась, но как-то приветливо. Словно ей приятно быть хмурой, и она мне всем сердцем благодарна за повод, по крайней мере, ощущалось это именно так. И спросила: «А вы, случайно, работу не ищите? Мне как раз водители с собственным транспортом срочно нужны».

Я внутренне заорал от восторга. Вот это удача, не зря я Оксану Валерьевну нахер послал! Но мгновенно опомнился. Рано пока ликовать. Во-первых, ещё неизвестно, какая там будет оплата. А во-вторых, документы проклятые. Хрен кто меня с такими на постоянную работу возьмёт.

Я сказал: «Работа – дело хорошее, но у меня загранпаспорт через полгода закончится. И вид на жительство без нового паспорта не продлят». Это проблема. В паспортном центре делать документы отказываются, потому что меня в какой-то их электронной базе нет. Я не один такой, у многих сейчас проблемы. Айтишники хреновы наворотили чего-то, а у людей теперь жизнь псу под хвост.

Женщина отмахнулась: «Да ерунда какая. Украинский же паспорт? Сразу так и подумала. Эту проблему мы точно решим».

Неожиданный поворот.

Пока я думал про паспорт, – да ну нет, быть не может, неужели не врёт? – она обошла машину, открыла пассажирскую дверь, села рядом. Сказала: «Вы не пугайтесь, работа вполне обычная. Без криминала. Просто возить людей. Иногда с животными. Вы же не боитесь собак?» Я ответил: «Люблю их очень. У меня дома в Харькове были Булка и Петрик. Скайтерьерша и влчак».

Женщина молча кивнула и отвернулась. Я ещё не понял, что происходит, а она сказала сквозь слёзы: «Всё в порядке, не обращайтесь внимания, просто вы сами плакать не можете, поэтому я плачу за вас».

Это, наверное, был переломный момент в разговоре. И вообще в моей жизни, раз и навсегда. У меня больше не осталось вопросов. Ни про график работы, ни про зарплату, ни про оформление документов. Я не то чтобы про всё это забыл. Не забыл. Просто вдруг стало неважно, больше не имело значения. Женщина в синем пальто ревела, а мне делалось легче, как будто наконец-то смог заплакать я сам.

Она вдруг почти улыбнулась сквозь слёзы, вытерла щёки рукавом своего пальто. Сказала: «В среднем будет одна поездка в неделю. Изредка две. Продолжительность... ну, посмотрим. Бывает по-разному. Туда-обратно от суток до трёх. Пятьсот евро за рейс, вне зависимости от его продолжительности. Плюс бензин, питание, место для отдыха – всё за наш счёт. Ну и сделаем вам документы. Так нормально?» Я чуть не грохнулся в обморок, но спокойно ответил: «Пойдёт». Она сказала: «Тогда поехали». Я удивился: «Что, вот прямо сейчас?» Она объяснила: «Пока только в офис. Договор подписать».

Я до сих пор плохо знаю город, потому что езжу по навигатору. Какие-то фрагменты, конечно, запомнил уже. Дорогу от дома до подвала Оксанки, до автовокзала и до ближайшего ко мне супермаркета «Лидл». Женщина в синем пальто не назвала мне адрес, а сказала: «Поезжайте, я буду показывать». Вообще, я так не люблю. Обычно, когда пассажиры берутся показывать дорогу водителю, не жди добра. Люди, если сами не водят, не знают, какие улицы с односторонним движением, где перекрыт проезд, и регулярно требуют повернуть направо из крайнего левого ряда в самый последний момент. Но эта женщина провела меня через город не хуже, чем гугл. Обо всех поворотах предупреждала заранее, чтобы я успел перестроиться, и в тупик ни разу не завела.

Я так и не понял, куда мы в итоге приехали. Совершенно незнакомый спальный район. Так называемый офис оказался обычной квартирой на первом этаже панельной пятиэтажки с видом на заросший соснами холм. Приятное место, вроде в городе, а почти как на даче. Я даже подумал, что надо разузнать, сколько здесь стоит аренда, может, имеет смысл переехать. Я бы среди этих сосен круглый год спал с открытым окном.

Женщина в синем пальто не раздеваясь села за письменный стол. Сказала: «Я Аустея, но лучше Тея. Не хочу быть царицей пчёл⁶. Извините, что не представилась сразу». Я спохватился: «Ой, так и я не представился». Она пожала плечами: «Да с вами-то проще, и так понятно, что вы Антон». Пока я думал, – это она угадала или заранее собрала обо мне информацию; вот интересно, зачем? – добавила: «Просто, когда за кого-то плачешь, хочешь не хочешь, а узнаёшь его имя. Но фамилию, адрес, телефон, год рождения – нет. Всё это вам придётся сказать, а мне записать... Ой, слушайте, а может, у вас есть с собой документы? Хотя бы водительские права».

Я невольно улыбнулся – хороша бюрократка, потащила меня составлять договор, а про документы только в офисе вспомнила. Но ей повезло. А мне ещё больше: не пришлось тащиться домой за паспортом, он у меня был с собой. И карточка, вид на жительство. Ну и права, естественно. Полный набор.

⁶ Строго говоря, не царицей, а богиней. По одной из версий, в литовской мифологии Аустея – имя богини пчёл. Есть, moreover, и другая версия, что литовскую богиню пчёл зовут Медейна (Medeina), а Аустея – это Утренняя Звезда.

Дальше всё было не менее странно. Тея сразу выдала мне триста евро, сказала, это аванс. Я спросил: «Не боитесь, что я сбегу с деньгами?» Она удивилась: «Зачем вам бежать?» Договор она составила не в компьютере и даже не на фирменном бланке, а написала красивым размашистым почерком на листе голубой бумаги с водяными знаками – или как это называется, когда разводы и надписи видны на просвет. Латинские буквы, «zvezda» или что-то похожее, я толком не разглядел.

Тея сунула договор мне на подпись, там были только мои имя-фамилия-телефон, должность «водитель», номер автомобиля и оплата 500 евро за каждый рейс. Это всё. Ни названия организации-работодателя, ни номера моего паспорта, ни местного личного кода, вообще ничего. Я внутренне возмутился: дела так не делаются! А потом подумал: «Может, оно и к лучшему». Мне же самому никогда не нравилось, как обычно делаются дела.

Тея то ли мысли мои прочитала, то ли сама поняла, как её бюрократические усилия выглядят со стороны. Вздохнула: «Да вы не переживайте, на самом деле у нас нормальная организация. И работа легальная. Просто мне надо срочно, а юрист сейчас в отпуске. Вернётся через несколько дней и всё официально оформит. Будет вам и страховка, и справка о постоянном месте работы, и что там надо ещё. И новым паспортом тоже Арунас займётся, у него приятели в вашем консульстве, ему такое легко. А этот договор для нашего с вами спокойствия. Ну, или только для моего».

Я кивнул, подписал голубую бумагу и зачем-то прижал её к сердцу. Сам не знаю, что на меня нашло. Тея и бровью не повела, как будто бы так и надо, все при вступлении в должность прикладывают договоры к груди. Пообещала: «Вот увидите, отлично сработаемся. Заезжайте за мной завтра в семь». Я уточнил: «Утра?» Она возмущённо воскликнула: «Вечера!» Я сказал: «Вот спасибо, хоть выплусь. Я, ко всему прочему, ещё и сова». Тея пожала плечами: «Да помоему, почти все нормальные люди совы. В том числе я сама». Это было так же удивительно, как договор на голубой бумаге. И как наше знакомство. И как все остальные события этого дня.

По идее дома мне полагалось очнуться и задуматься, во что я на самом деле ввязался. И – ну хотя бы встревожиться. Было из-за чего! Я даже честно попробовал. Представлял себе всякие ужасы: наркотики, контрабанду, оружие, нелегальных мигрантов, перестрелку с полицией, арест, тюрьму, выдворение из страны. Обычно мне такое легко – в смысле придумывать ужасы. Мне мерещатся неприятности даже там, где их точно не может быть. Но на этот раз они не мерещились. Вместо неприятностей мне почему-то упорно представлялось сказочно светлое будущее с новым паспортом, кучей денег и квартирой в сосновом лесу. И спал я в ту ночь отлично, словно сосны уже шумели у меня под окном. И наутро не всполошился: «Господи, что я делаю?!» Хотя самые трусливые мысли обычно посещают меня по утрам. Но я был как заколдованный. Или даже не «как». Что-то необратимо во мне вчера изменилось, пока Тея плакала за меня.

Тея позвонила мне в два часа дня. Не поздоровавшись, сразу сказала: «Вы еду с собой не берите, питание в дороге с меня. Возьмите только зубную щётку. И, может быть, смену белья. Поездка по идее непродолжительная, но всегда есть риск задержаться примерно на два-три дня». Я уж насколько был околдованный, а всё равно немного напрягся, потому что вот такие непредвиденные задержки у нас на понятны каких границах. И к этим границам мне лучше даже близко не подъезжать. Спросил: «А куда поедет? Вы же в курсе, что мне в Россию и в Беларусь нельзя?» Это я молодец, в последний момент спохватился; ладно, лучше поздно, чем никогда. Тея ответила: «Не волнуйтесь, не в Беларусь, не в Россию. Я помню, что вы украинец и пока не сошла с ума. А куда – приедем, сами увидите. Вы мой адрес запомнили? Ну и отлично. До встречи. Ровно в семь у подъезда буду стоять».

По идее я должен был ещё больше напрячься, когда Тея отказалась назвать конечный пункт назначения. А я, наоборот, успокоился. Не хочет говорить – и не надо, пусть будет сюрприз. Оделся и пошёл прогуляться. Времени ещё куча, а погода отличная. Ветреный, солнечный, яркий осенний день. Я даже пообедал в суши-экспрессе, давно у меня была такая мечта. Я вообще экономлю жёстко, чтобы папе и Катке побольше послать, но сегодня решил, мне всё можно, раз получил аванс. Взял набор для двух человек, четыре ролла, все разные, слопал быстрее, чем понял, с чем они. Но факт, что фантастически вкусные, как Тошка в таких случаях говорила, «ум отъесть». И четырнадцать сорок девять за гору отличной еды – это не особенно дорого. Я подумал, если с новой работой всё сложится, буду так раз в неделю кутить.

К дому-офису Теи я приехал минут на пятнадцать раньше – это лучше, чем в первый же раз опоздать. Тея открыла окно, высунулась по пояс и спросила строго, как школьный завуч: «Вам кофе с сахаром или без?» Я сначала ответил: «С сахаром», – и только потом удивился. А Тея сказала: «Заходите давайте, выпьем кофе, время у нас ещё есть».

Кофе был очень вкусный. Но при этом вообще не похож на кофе, к которому я привык. То есть почти не горький. И с удивительным привкусом – не то вишнёвого сока, не то просто мечты. Тея сказала: «Хорошо, что вам кофе понравился. Я литровый термос запасла нам в дорогу. С несгибаемым намерением вас угощать».

Я приехал за Теей в сумерках, а пока мы пили кофе, стало совсем темно. Когда мы вышли и сели в машину, Тея сказала: «Едем забирать пассажиров. Улица Озо, дом восемь... Нет, не включайте навигатор, пожалуйста. Дорогу я покажу». Я восхитился: «Вы настолько ненавидите технику?» Тея пожала плечами: «Ну не то чтобы именно ненавижу, но пока считайте, что да».

Возле восьмого дома на улице Озо было что-то вроде автобусной остановки, скамейка под пластиковым навесом, но не на улице, а во дворе. Там нас ждали пассажиры, шесть человек. Немолодая плотно сбита женщина в красном спортивном костюме, без чемоданов и сумок, зато с пушистым чёрным котом на руках. Пацан в разноцветных наколках и дредах, с музыкальным инструментом в футляре, судя по форме футляра, скорее всего, трубой. Пожилая пара в одинаковых серых куртках, с одним на двоих рюкзаком. Мужик, на вид мой ровесник, то есть лет сорока; у этого на шее висели целых две фотокамеры и сумка с ноутбуком через плечо. Юная женщина с таким же мрачным лицом, как у Теи, сперва стояла немного поодаль, исподлобья недоверчиво зыркала на машину и других пассажиров, но потом всё-таки подошла. У неё с собой вообще никаких вещей не было, даже маленькой сумочки, а из-под пальто выглядывал явно домашний халат. Тея выскочила из машины, обняла всех по очереди. И рассадила их по местам. Тётку с котом и мужика с ноутбуком – назад, парочку с музыкантом – за нами, а мрачную юную женщину рядом с собой, у окна. То ли сказала мне, то ли только подумала: «Придётся нам потесниться, её сейчас нельзя отпускать». Я, с одной стороны, ни хрена не понял – куда отпускать? Почему вдруг нельзя? А с другой, откуда-то знал, что рядом с Теей у этой девчонки всё будет нормально, а на любом другом месте – не факт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.